

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>.

EDN: PZNLB1

Ю.А. ПУСТОВОЙТ^{1, 2}

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2;

² Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, Томск, пр. Ленина, д. 36

ЧЕТЫРЕ МАСТИ АССАМБЛЯЖА ВЛАСТИ: ИНСТИТУТЫ И ПОЛИТИКИ В СИБИРСКОМ МЕГАПОЛИСЕ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Аннотация. В работе сопоставляются конфигурации и ресурсы властных групп 2015 и 2025 гг. в сибирском мегаполисе. На основе достоверного аналитического материала о ключевых фигурах в городской и региональной политике, подтвержденного собственными данными, автор ставит своей целью описать и объяснить динамику позиционных перемещений. Для этого происходящие политические процессы были рассмотрены в рамках категориального аппарата и ключевых положений основных теорий, используемых в политической науке: элитизма, плюрализма и теории режимов. Оказалось, что объяснительные модели, рассматривающие причины и механизмы смены властных групп, в современных условиях либо совсем нерелевантны (элитизм и плюрализм), либо имеют ограниченное применение. Наиболее перспективным направлением выступает теория режимов К. Стоуна, но и она объясняет одни фрагменты реальности (стабильность отношений) и не позволяет учесть происходящее в условиях быстрых изменений. С учетом новых подходов к феномену города в современной урбанистике обоснованы перспектива и возможности использования концептуального аппарата теории ассамблажей

(М. Деланды) — подхода, который расширяет и углубляет теорию режимов и задает более широкую динамическую рамку с включением в качестве агентов материальной инфраструктуры. В работе сформулировано и обосновано понятие «ассамбляжа власти» — исторически складывающееся динамическое образование, представленное изменчивыми конфигурациями гетерогенных элементов, обеспечивающее его стабилизацию посредством двух паттернов властных отношений: координации входящих в него компонентов (с сохранением экстериорности, способности к автономному перемещению в другие ассамбляжи) и контроля (потери этой способности). В этой перспективе рассмотрены политические процессы, произошедшие в сибирском мегаполисе, и дано объяснение, как от плюралистической конфигурации 2017 г. (паттерн координации) была осуществлена пересборка компонентов к 2025 г., приблизив его основные характеристики к паттерну контроля. Результаты исследования показали, что исчезновение альтернативных ассамбляжей власти связано с изменениями материальных и экспрессивных компонентов на федеральном уровне, в силу чего в альтернативных локальных ассамбляжах региона снизилась способность к действию как в производстве конкурентоспособных идеологических нарративов, так и в возможности проведения своих кандидатур на важные институциональные позиции.

Ключевые слова: город, ассамбляж, властные группы, сети, элиты, инфраструктура, городской режим, Сибирь.

Для цитирования: Пустовойт Ю.А. Четыре масти ассамбляжа власти: институты и политики в сибирском мегаполисе. Десять лет спустя // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 85–103.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>. EDN: PZNLB1

ВВЕДЕНИЕ: КОАЛИЦИИ ВЛАСТИ В СИБИРСКОМ МЕГАПОЛИСЕ В ЗЕРКАЛЕ МЕДИААНАЛИТИКИ

В 2017 г. медиахолдинг «ФедералПресс» опубликовал серию из четырех аналитических материалов под броским заголовком «Четыре масти Новосибирской власти», в которых предложил иерархическую структуру и состав наиболее влиятельных властных коалиций региона. Каждая «карта» идентифицировалась с конкретной политической персоной, которая получала игровой статус от туз (политики федерального масштаба) до шестерки (местные администраторы и биз-

несмены). Хотя предложенная типология носила метафорический характер, она во многом совпадала с данными, которые мы получали из анализа электоральной медиаактивности и интервью, а значит, в целом, отражала реальную расстановку сил в регионе. Люди, входящие во властную коалицию, оказывали друг другу поддержку в ходе избирательных кампаний, чаще взаимодействовали между собой на медиаплощадках, позитивно отзывались о союзниках и вступали в сложные, порой конфликтные отношения с представителями других групп. Социальная и политическая активность этих персонажей началась еще в 1990-е гг., но границы объединений стали более четкими и рельефными примерно с 2014 г. в связи со сменой главы региона и города. Тузами каждой масти были публичные политики на официальных должностях. Королями, дамами и валетами — депутаты, главы комитетов и фракций, а также чиновники с широкими полномочиями. Номерные карты закреплялись за бизнесменами, общественными деятелями и крупными администраторами.

Масть «червы» закреплялась за КПРФ во главе с избранным на должность мэра Анатолием Локтем¹; «бубны» за командой губернатора Владимира Городецкого²; «кресты» объединяли силовиков и бизнесменов, которые пользовались покровительством полпреда в Сибирском Федеральном Округе Сергея Меняйло³; «пики» включали ряд местных политиков от «Единой России» во главе с депутатом Государственной Думы Виктором Игнатовым⁴.

¹ Четыре масти новосибирской власти. Часть 4. Червы // ФедералПресс. 18.08.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/1821262>.

² Четыре масти новосибирской власти. Часть 1. Бубны // ФедералПресс. 12.08.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/1818291>.

³ Четыре масти новосибирской власти. Часть 3. Трефы // ФедералПресс. 14.08.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/1819759>.

⁴ Четыре масти новосибирской власти. Часть 2. Пики // ФедералПресс. 13.08.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/1819079>.

На момент публикации каждая коалиция обладала сопоставимыми для публичной дискуссии ресурсами власти (политико-административными, экономическими, медийными и силовыми) и вырабатывала альтернативные, но вполне состоятельные версии развития региона и города. Прошло чуть больше десяти лет и закономерно возникает ряд исследовательских вопросов:

1. Как изменились властные конфигурации в городе и регионе?
2. Почему три властных коалиции («масти») практически исчезли из публичной политики?
3. Какая из современных политических теорий: элитизм, плюрализм, теория режимов, теория ассамбляжей служит наиболее релевантной объяснительной моделью?

В качестве эмпирической базы мы опираемся на собранные с 2012 г. данные, результаты которых были опубликованы [9; 10], а также на сведения, размещенные на цифровых платформах, и материалы СМИ¹, посвященные итогам выборов². Поиск и анализ проводился с помощью различных моделей ИИ, которые затем проверялись посредством экспертизы оценок и сопоставления с другими источниками.

ВЛАСТЬ В ГОРОДЕ: ТЕОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ГРАНИЦЫ ИХ ПРИМЕНИМОСТИ

Сегодня можно выделить три классических направления эмпирических исследований власти в городе, они хорошо известны и детально рассмотрены в работах профессора Валерия Ледяева [6]. В рамках классического элитизма, наиболее ярким представителем которого был Чарльз Райт Миллс [8] и эмпирические исследования которого связаны с работами Флойда Хантера [16], власть находится у монолитной сплоченной группы, чья коалиция постоянна и построена

¹ Кто будет управлять горсоветом Новосибирска? // Континент Сибирь. 23.09.2025 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://ksonline.ru/585602/kto-budet-upravlyat-gorsovetom-novosibirska/>.

² Кто будет рулить Заксобранием Новосибирской области? // Континент Сибирь. 24.09.2025 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.10.2025. URL: <https://ksonline.ru/585750/kto-budet-rulit-zaksobraniem-novosibirskoj-oblasti/>.

на общности классовых интересов, и смена элит происходит редко либо в ходе «циркуляции элит», либо социального катаклизма, как предполагал Вильфредо Парето. Элита формирует идеологию, оправдывающую ее господство, определяет вопросы, которые вносятся в повестку, принимает выгодные для себя решения, тем самым используя все три «лика» власти (Стивен Льюкс [7], Марк Хаугаард [14]). В теориях плюрализма (Роберт Дауль [4]) власть рассредоточена между множеством групп интересов (бизнес, профсоюзы, НКО), коалиции ситуативны и формируются вокруг конкретных проблем, их смена — норма и происходит постоянно в зависимости от ситуации. Ключевой здесь является власть принимать решения и именно за нее борются группы. Считается, что все они имеют одинаковые возможности влиять на повестку, значение идеологии отрицается. Теория городских режимов Кларенса Стоуна [17] делает акцент на власти как способности действовать, для чего нужна устойчивая неформальная коалиция между муниципальной властью и бизнесом. Смена коалиции представляет собой сложный процесс и происходит под воздействием ряда факторов, таких как распад «коалиции роста», смена экономических приоритетов, сильное общественное давление и т.д. Режим также вырабатывает общую идеологию («рост»), определяет повестку и принимает ключевые решения.

Сегодня теория городских режимов К. Стоуна наиболее популярна при изучении политической власти в городах. Среди десяти отобранных поисковыми системами исследований городской власти в России семь построены на концепции режимов. Сильными сторонами теории выступает то, что она объясняет, почему и как устойчивые коалиции между мэрией и бизнесом («коалиции роста») формируются, долго правят и в конечном итоге сменяются. Данная теория дает возможность анализировать, почему долго сохраняются коалиции, и четко определяет субъекты, их ресурсы и цели. Ее основой выступает «рациональный подход», то есть считается, что акторы преследуют рациональные цели. В фокусе внимания чаще всего находятся классовые интересы, и теория позволяет выявлять конфликты между коалициями роста и сообществами. Основное ограничение теории городских режимов — то, что в ней сделан акцент на стабильности норм и договоренностей, что сегодня в период, который обычно

называется «турбулентным», не находит своего подтверждения, так как изменения многочисленны, они разноплановые, многоуровневые и многовекторные. Стабильность скорее представляет некоторый уже мало достижимый идеал, о чём пишет Стоун в одной из статей [18].

Как и во всех классических теориях политической науки, в теории городских режимов сделан акцент на поведении людей и организаций, а материальные компоненты в рамках данного подхода не обладают агентностью. Однако за последние тридцать лет появился ряд работ и направлений, где природа, законы, инфраструктура, технологии, дискурсы рассматриваются не как пассивная составляющая, а как активная сила, способная влиять и ограничивать человеческое поведение. Города, как социальные сущности состоят не только из популяций человеческих индивидов, сетей и организаций, но и из инфраструктуры, зданий, улиц и всевозможных коммуникаций. Власть проектировщиков городского пространства долгое время питалась идеей о том, что красивый и правильно построенный город преображает его жителей [12]. Идеалы высокого модернизма в полной мере выражались в замыслах (утопических, но отчасти воплощенных) Ле Корбюзье (Лучезарный город), Эбенизера Говарда (Город-сад), Патрика Геддеса (реализация духа города-сада и школы Баухаус в Тель-Авиве), Фрэнка Ллойда Райта (Бродакр-сити как триумф индивидуализма), советских планировщиков (социалистические города, зеленые города, города-спутники), в критических утопиях Рема Колхаса и идеях нового урбанизма Леона Крие. «Город — это политическое пространство, где сталкиваются различные воли: горожан, представителей власти, предпринимателей, идеологов. И доминирует обычно тот, у кого воля сильнее, например, девелопер... Так создаются городские пространства, непригодные для красивой, разумной и удобной жизни» [2, с. 76]. Архитектура выступает как проекция власти, способ взрастить свое лидерское «Я» до масштабов города, страны или эпохи.

Таким образом, материальные нечеловеческие компоненты можно рассматривать как полноценных участников политического взаимодействия, они способны внушать страх, усиливать чувства [15, с. 88–89], рассказывать истории [11] и тем самым изменять поведение людей. Приведем здесь только известные и переведенные на русский язык работы о власти «не-человеческого» в городе Бруно Латура [5] и Эша Амина,

Найджела Трифта [1]. В политической теории появились альтернативные подходы к определению границ власти и источников ее возникновения. От субстанции и атрибута она в ряде направлений стала рассматриваться, вслед за Мишелем Фуко, предложившим этот ультрарадикальный взгляд, как сеть, имманентная всему обществу и производящая реальность: дискурсы и дисциплинированные тела [13].

Что можно сказать, соотнеся эти теоретические подходы и исчезновение властных коалиций? За десять прошедших лет не было ни циркуляции элит, ни революции, ни смены коалиций в ходе честной электоральной борьбы вокруг значимых для города проблем. Распались команды, но повестка роста не изменилась. Не было ни смены экономической конъюнктуры, ни серьезного и регулярного общественного давления. Комплекс прошедших событий можно обозначить как пересборку компонентов. В публичной сфере появился новый компонент — команда губернатора, задающая политический курс и устанавливающая границы активности других групп. Часть компонентов исчезла, часть была оторвана от своих групп (детерриториализирована), часть вошла в новые группы.

ТЕОРИЯ АССАМБЛЯЖЕЙ: КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В НЕКЛАССИЧЕСКУЮ ОНТОЛОГИЮ

На наш взгляд, объяснить и описать происходящее в условиях турбулентности наиболее точно и продуктивно позволяет теория ассамблажей Мануэля Деланды, представляющая собой относительно новый взгляд на онтологию социального [3]. Выбор альтернативной оптики (теории ассамблажей) вызван тем, что в современных условиях она предлагает более широкую и динамическую рамку, что позволяет декомпозировать любые проявления власти и разбивать ее на составляющие элементы, проследить их материальные и дискурсивные сочетания и объяснять устойчивость и хрупкость властных конфигураций. Как мы покажем, по сравнению с теориями монолитной элиты и моделями в духе классического элитизма, она более динамична и менее конспиративна и заменяет стабильную пирамиду власти на изменяющуюся картографию сетей влияния. По сравнению с моделью Роберта Даля она менее нормативна и вполне может объяснять, как и почему отдельные сети приобретают большее влияние, чем другие

за счет территориизации материальных и символических ресурсов и сокращения возможностей для других групп. На наш взгляд, она расширяет и углубляет теорию режимов, включая в состав акторов, контролирующих ресурсы, материальную среду и непреднамеренные последствия взаимодействия с ее элементами. Необходимо отметить, что инфраструктура, технологии, пространство, бюджеты, нормы всегда в том или ином виде присутствовали при анализе режимов, однако не рассматривались как активные участники взаимодействий, между тем материальные объекты не меньше, чем действия других людей способны ограничивать или стимулировать поведение, представлять и уменьшать конкурентные преимущества конкретных индивидов и групп.

Теория ассамбляжей опирается на идеи Жиля Делеза и Феликса Гваттари и позволяет картографировать конкретные исторически сложившиеся динамические, но не единые целостности — ассамбляжи (города, государства, технологии, сети и т.д.). Любой ассамбляж рассматривается как индивидуальная сущность, он возникает из доиндивидуальных компонентов (тоже в свою очередь являющихся ассамбляжами), свои свойства получает из их взаимодействия (пример «оса — орхидея»), его части самодостаточны и формируются в результате способностей к взаимодействию с другими частями, он обладает эмерджентными качествами, способен влиять на свои части. Картографирование ассамбляжа происходит по трем осям:

1. материальное / экспрессивное (физические объекты и их коды и значения);
2. территориизации / детерриториализации (процессы, придающие стабильность и порядок и их разрушающие);
3. кодирование / декодирование (наделение компонентов особым значением / переосмысление значений).

Вследствие установления внешних отношений, компоненты ассамбляжа, не теряющие своей идентичности, создают автономный надиндивидуальный эффект целого (новый порядок) со своими правилами (эмержентность). Понятие власть в этом случае используется в двух значениях. Если мы говорим о «Власти» (с большой буквы) применительно к этой целостности (ассамбляжу власти), то здесь она представляет собой децентрализованный распределительный эффект

успешной территориализации (стабилизации) ассамбляжа, то есть социальный порядок возникает в результате связывания гетерогенных элементов. Власть в городском режиме связана не с биографией мэра, планами застройщиков и повседневностью жителей, она проявляется, когда актуализируются их способности к мобилизации ресурсов и организации совместных действий, но эти свойства появляются из самих сетей, а не из индивидов. Эффект целого не может быть сведен к частям по отдельности. Если мы говорим о «власти» (власти с маленькой буквы), то мы говорим о силах, которые обеспечивают связи и разрывы связей между компонентами. Здесь власть рассматривается как импульс, исходящий от конкретного субъекта, и в каждом конкретном случае можно говорить о власти как праве, силе и воле (Роберт Даль), блокировке (Питер Бахрах и Мортон Барац), власти символических систем (культурного капитала Пьера Бурдье) или о власти — технологии производства знания, типов поведения и социальных норм (Мишель Фуко). В классическом подходе мы предполагаем за индивидами право принимать решения, блокировать решения других и создавать у них легитимизирующую определенные действия «картину мира», в оптике Мануэля Деланды мы смотрим на компоненты, которые позволяют осуществляться власти индивида и которая невозможна без материальных носителей. Власть пропагандиста сегодня невозможна без сетевых технологий, власть чиновника без системы документооборота, власть тюрьмы невозможна без здания тюрьмы.

В этих онтологических рамках введем понятие *ассамбляж власти* — исторически складывающееся динамическое образование, представленное изменчивыми конфигурациями гетерогенных элементов (людей, сетей, организаций, институтов, инфраструктуры, городов и государств в их материальном и экспрессивном выражении), обеспечивающее его стабилизацию (территориализацию) посредством двух паттернов властных отношений: координации входящих в него компонентов (с сохранением экстериорности, способности к автономному перемещению в другие ассамбляжи) и контроля (потери этой способности).

Таким образом, любой ассамбляж власти:

- 1) состоит из разномасштабных гетерогенных компонентов, также являющихся ассамблажами (людей, сетей, институтов, организаций, инфраструктуры, городов и государств);

- 2) каждый ассамбляж в различном соотношении имеет материальное (физические тела, должностные позиции, здания, коммуникации, деньги, технологии, труд и пр.) и экспрессивное выражение (идеи, высказывания, законы, нарративы, символы, дискурсы и пр.);
- 3) все ассамбляжи (компоненты) находятся в отношениях экстериорности, что означает, что они не теряют своей идентичности, но, стабилизируясь в ходе территоризации, реализуют тот набор способностей, который соответствует складывающемуся вектору сил;
- 4) эти результирующие векторы (аттракторы) направлены по двум паттернам: координации (властные отношения на основе договора в обозначенных временных и процессуальных границах) и контроля (отношения постоянного доминирования одних групп).

Соответственно, для картографирования ассамблажей власти необходимо определить, какие материальные и экспрессивные компоненты их составляют, выяснить, какие силы удерживали их вместе, каков баланс между процессами стабилизации (территоризации) и дестабилизации (детерриториализации) и по какому паттерну (координации или контроля) стали складываться последующие отношения. Материальные компоненты операционализированы нами через должностные позиции, медиатизацию (упоминания в СМИ), финансовые возможности, наличие вертикальных и горизонтальных связей, которые после перевода в численные коэффициенты суммируются. Экспрессивные компоненты включают способность к сочетанию идей и нарративов, легитимирующих положение коалиций в период электоральных кампаний.

Возникший в ходе взаимодействия гетерогенных компонентов эффект — ассамбляж власти по паттернам координация / контроль — это динамический политический порядок, который фиксируется в конкретный момент времени и в конкретных территориальных границах по трем bipolarным маркерам координации-контроля: альтернативность / безальтернативность; прозрачность процедур / aberrация; инфраструктурное благополучие / неблагополучие. Каждый из этих маркеров показывает, насколько компоненты ассамблажа находятся в отношениях экстериорности и автономны в принятии решений. Таким образом, предлагаемый подход расширяет теорию режимов,

вводя в нее в качестве важного фактора материальные компоненты (здания, дороги, информационные сети), и позволяет видеть за событиями не столько устойчивые структуры (классы, иерархии, идеологии), но и ассамбляжи, где устойчивая структура — тот же ассамбляж, но пересобирающийся более медленно. Власть — не столько способность к принуждению и господству, сколько, способность к действию при сборке нового ассамбляжа, она может быть вполне созидательной и распределенной. Наша цель как исследователей — отслеживать и картографировать эти процессы, где структуры власти собираются и пересобираются из разных компонентов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МЕГАПОЛИСЕ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ АССАМБЛЯЖЕЙ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассмотрим в этой перспективе политические процессы, произошедшие в сибирском мегаполисе. Конфигурация 2017 г. была плюралистической, и ассамбляж власти складывался по паттерну координации. Появлялись и обсуждались самые разные альтернативные варианты решения проблем, нормы политической борьбы соблюдались. Инфраструктура в силу исторического и территориального развития города была сложной и не всегда благоприятной, особенно в области содержания дорог и коммуникаций. К 2017 г. сложился городской режим с двумя элитарными группами. Властная конфигурация была многоуровневой и характеризовалась сложным переплетением лидеров, партий, политических кланов и бизнес-сетей. Мэр города, победивший как глава консолидированной оппозиции, Анатолий Локоть (КПРФ) проводил политику умелого лавирования, избегая затяжных конфликтов с губернатором и «злейшими классовыми врагами», часть из которых вошла в действующую систему управления. Наличие двух сильных, но разнонаправленных центров власти (губернатор от «Единой России», мэр от КПРФ) обеспечивало институциональную напряженность, но в целом было сбалансировано и поддерживалось за счет неформальных договоренностей. Часть сетевых элит формально принадлежали к «Единой России», но, как считают эксперты, сохраняли высокую степень независимости от регионального адми-

стративного ядра, что позволяет рассматривать их ключевые фигуры как акторов, обладающих достаточно серьезной автономией: Александр Карелин (депутат Госдумы), Андрей Шимкив (спикер Заксобрания). Девелопер и депутат Законодательного собрания Вениамин Пак сформировал собственную мощную группу, состоящую из депутатов Городского совета, куда входил, в частности, его спикер Дмитрий Асанцев («ЕР»).

В результате выборов 2025 г. стало очевидным, что губернатор Новосибирской области (Андрей Травников) и «Единая Россия» сформировали новуюластную конфигурацию, которую можно обозначить как централизованный контроль. В Заксобрании «ЕР» получила 51 мандат из 76, улучшив свой результат 2020 г. КПРФ сократила свое присутствие с 14 до 10 мандатов. Доминирование губернатора и «ЕР» подчеркивает союз с Андреем Шимкивом, одновременно председателем Законодательного собрания и главой фракции «ЕР». Оппозиция стала управляемой: распределение вице-спикерских кресел изменилось с фракционного (которое ранее включало ЛДПР и «СР») на строго двухпартийное (3 «ЕР» + 2 КПРФ). При этом фракция КПРФ уменьшилась.

В Горсовете «ЕР» увеличила свое представительство до 40 мандатов из 50, что составляет 80 %. При этом ни один самовыдвиженец не победил, а ЛДПР потеряла все места. В структуре Горсовета при руководстве Дмитрия Асанцева («ЕР», группа В. Пака) увеличилось количество заместителей с четырех до шести, четыре отведены «ЕР». Впервые на руководящие посты приходят представители двух доминирующих групп внутри «ЕР». Крыло Дмитрия Савельева (депутат ГД) — самая многочисленная группа в городском совете (15 человек) и крыло В. Пака.

Почему случилась детерриториализация действующего ассамбляжа власти и часть компонентов перестала существовать? Во-первых, во всех ассамбляжах исчезли ключевые компоненты (лидеры-символы). Это стало критичным и послужило стимулом для детерриториализации. Во-вторых, одновременно произошло изменение институтов управления городом, вследствие отмены выборов повлекшее перераспределение материальных компонентов: людей, позиций и городских ресурсов. В-третьих, изменился и стал преобладающим и без-

альтернативным внешний экспрессивный фактор — кодирование. Федеральный нарратив-повестка «противостояние коллективному Западу» разрушил локальные нарративы, построенные на критике местных управленческих решений. Провозглашение альтернативных проектов стало либо излишним (КПРФ), либо опасным («Коалиция 2020»^{1*}, объявленная иностранным агентом). В-четвертых, доминирующие до 2025 г. действующие группы были ограничены инфраструктурой. За дороги, воду, тепло отвечали и мэрия, и ряд фигур в окружении бывшего губернатора, что ограничивало возможности маневра и служило полем постоянной критики оппонентов и населения.

Что облегчило приход и территориизацию нового ассамбляжа власти? Он оказался более продуктивен, так как актуализировал способности к действию всех его составляющих, в новых условиях его компоненты расширили диапазон возможностей. Для коалиции «пики» лидер, находящийся в Москве, не имел значения как публичная фигура при принятии оперативных решений на территории. Самый самостоятельный и территориализированный ассамбляж смог быстро адаптироваться в условиях изменений политического ландшафта. В основе экспрессивной составляющей и процесса кодирования были нарративы о таких ценностях, как честь, служба, преданность, верность, ученичество, уважение к старшим, патриотизм и пр., которые органично вписывались в современную официальную риторику. Причем это были не только слова, но и основа политики воспитания и социализации молодого поколения, рекрутируемого через клуб каратэ «Успех». Спортивные нарративы и их носители обладают высокой наглядной привлекательностью, прозрачны для внешнего наблюдения, что делает их достаточно мощным электоральным ресурсом и хорошим элементом внутреннего контроля. Городская инфраструктура работала на коалицию, так как девелопмент не приносил серьезных reputационных потерь и позволял решать актуальные проблемы подконтрольных территорий. Сейчас проблемы городской инфраструктуры

---

^{1*} Объединение включено Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента или признанных запрещенными на территории России.

частично отданы на аутсорсинг¹, частично заключены договоры о концессиях², что снижает репутационные риски.

Результаты исследования показывают, что исчезновение альтернативных ассамбляжей власти в регионе связано с изменением экспрессивной составляющей на федеральном уровне и усилением вертикального вектора территориализации, в силу чего альтернативные локальные ассамбляжи вначале лишились способностей создавать конкурентоспособный идеологический нарратив, что привело к снижению веса материальной составляющей, потере медийной активности и должностных позиций. Одновременно произошедшая смена институционального дизайна в городе усилила материальные компоненты ассамбляжа власти победителей.

Повышение статуса губернатора в силу его институциализированных и неформальных связей со структурами федерального центра, приобретающих повышенное значение в условиях СВО, и практически одновременно с этим отказ от выборов мэра, способного возглавить оппозицию, сделал эту должность ключевой в распределении материальных ресурсов. В качестве локальной идеологии выбран режим развития безопасной инфраструктуры. По оси «координация-контроль» ассамбляж власти уверенно сдвинулся в сторону контроля: снизилась конкуренция, упала прозрачность избирательного процесса, впервые за долгие годы произошла череда скандалов на выборах³,

¹ Мэр объяснил новые условия аутсорсинга на уборку улиц Новосибирска // Новосибирские новости. 14.06.2023 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.10.2025. URL: <https://nsknews.info/materials/mer-obyasnili-novye-usloviya-autsorsinga-na-uborku-ulits-novosibirska/>.

² За 2023–2024 гг. в теплоснабжение Новосибирска по концессии будет вложено 2,5 млрд рублей // Континент Сибирь. 21.11.2024 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.10.2025. URL: <https://ksonline.ru/555212/za-2023-2024-gody-v-teplosnabzhenie-novosibirska-po-kontsessii-budet-vlozheno-2-5-mldr-rublej>.

³ Новосибирские выборы прошли. А что делать с осадочком? // Континент Сибирь. 21.11.2024 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.10.2025. URL: <https://ksonline.ru/587645/novosibirskie-vybory-proshli-a-chto-delat-s-osadochkom/>.

пересмотрены границы ряда участков, но показатели благоприятной инфраструктуры растут. Из СМИ практически исчезла критика и в выступлениях больше стала подчеркиваться лояльность губернатору. Тем не менее есть непогашенный конфликт двух групп девелоперов, и, судя по уменьшению числа критических комментариев под статьями, расстает молчаливое большинство.

Метафорой происходящего может быть образ несущейся по бездорожью хрустальной кареты с семьей абьюзеров и со слепым, глухим и немым кучером.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пустовойт Юрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры Политологии Новосибирского государственного университета, доцент кафедры Политологии Томского государственного университета.
Электронная почта: pustovoit1963@gmail.com.

Research Article

YU. A. PUSTOVOIT^{1, 2}

¹ Novosibirsk National Research State University

2 Pirogov St., 630090, Novosibirsk, Russia;

² National Research Tomsk State University

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia

FOUR SUITS OF THE ASSEMBLY OF POWER: INSTITUTIONS AND POLITICIANS IN THE SIBERIAN METROPOLIS. TEN YEARS LATER

Abstract. This paper compares the configurations and resources of power groups in a Siberian metropolis in 2015 and 2025. Drawing on reliable analytical material on key figures in urban and regional politics and their resources, supported by original data, the author aims to describe and explain the dynamics of positional shifts. To this end, ongoing political processes were examined within the framework of the categorical apparatus and key tenets of the main theories used in political science: elitism, pluralism, and regime theory. It turns out that explanatory models examining the causes and mechanisms of power shifts are either completely irrelevant (elitism and pluralism) or have limited application in today's context. The most promising approach is C. Stone's regime theory, but it only explains fragments of reality (the stability of relations) and weakly describes what is happening in conditions of rapid change. Incorporating new approaches to the phenomenon of the city in contemporary urban studies, this paper substantiates the prospects and potential of using the conceptual framework of assemblage theory

(M. Delanda) — an approach that expands and deepens regime theory and defines a broader dynamic framework by incorporating material infrastructure as agents. The paper formulates and substantiates the concept of an “assemblage of power” — a historically evolving dynamic formation represented by variable configurations of heterogeneous elements, ensuring its stabilization through two patterns of power relations: the coordination of its constituent components (while maintaining exteriority and the ability to autonomously move to other assemblages) and control (the loss of this ability). From this perspective, the political processes that have occurred in the Siberian metropolis are examined, explaining how the pluralistic configuration of 2017 (a pattern of coordination) was reassembled by 2025, bringing its main characteristics closer to a pattern of control. The results of the study showed that the disappearance of alternative power assemblies is associated with changes in the material and expressive components at the federal level, as a result of which the capacity for action in the region in alternative local assemblies has decreased both in the production of competitive ideological narratives and in the ability to promote their candidacies to important institutional positions.

Keywords: city, assemblage, power groups, networks, elites, infrastructure, urban regime, Siberia.

For citation: Pustovoit Yu.A. Four suits of the assembly of power: institutions and politicians in the Siberian metropolis. Ten years later. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 85–103. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri A. Pustovoit — Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Novosibirsk State University. Associate Professor, Department of Political Science, Tomsk State University. E-mail: pustovoit1963@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское / Пер. с англ. В. Николаева. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 218 с.
Amin A., Thrift N. Cities: Rethinking the urban [Russ. ed.: *Goroda: pereosmisllyaya gorodskoe*. Transl. from Eng. by V. Nikolaev. Nizhnii Novgorod: Krasnaya lastochka, 2017. 218 p.]
2. Григорян Ю. От demiurga к партнеру. Как архитекторы увидели горожан // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Magazine, 2017. С. 224–241.
Grigoryan Yu. Ot demiurga k partneru. Kak arhitektory uvideli gorozhan [From demiurge to partner. How the architects saw the townspeople]. *Gorozhanin*:

- chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda.* [Citizen: What do we know about a resident of a big city]. Moscow: Strelka Magazine, 2017. P. 224–241. (In Russ.)
3. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамблажей и социальная сложность / Пер. с англ. К. Майоровой. Пермь: Гиле пресс, 2018. 164 с. DeLanda M. A New philosophy of society: Theory of assemblages and social complexity [Russ. ed.: *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'*. Transl. from Eng. by K. Majorova. Perm': Gile press, 2018. 164 p.]
  4. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 288 с. Dal' R. Polyarchy: Participation and opposition [Russ. ed.: *Poliarhiya: uchastie i oppozitsiya*. Transl. from Eng. by S. Denikina, V. Baranova. Moscow: Izdatel'skij dom GU VShE, 2010. 288 p.]
  5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. Latur B. Reassembling the social: An introduction to actor-network theory [Russ. ed.: *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Moscow: HSE Press, 2014. 384 p.]
  6. Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 472 с. Ledyayev V.G. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: Theory and experience of empirical power research in urban communities]. Moscow: HSE Press, 2012. 472 p. (In Russ.)
  7. Люкс С. Власть: радикальный взгляд / Пер. с англ. А. Кирлежева. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 238 с. Lukes S. Power: A radical view [Russ. ed.: *Vlast': radikal'nyj vzglyad*. Transl. from Eng. by A. Kyrlezhev. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 238 p.]
  8. Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. М.: Директ-Медиа, 2007. 844 с. Mills Ch.R. The Power Elite [Russ. ed.: *Vlastvuyushchaya elita*. Transl. from Eng. by E.I. Rozental', L.G. Roshal', V.L. Kon. Moscow: Direkt-Media, 2007. 844 p.]
  9. Пустовойт Ю.А. Условия и этапы становления политико-административных ассамблажей в городах Сибири // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 74–103. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.4>. EDN: ODHBLY

- Pustovojt Yu.A. Usloviya i etapy stanovleniya politiko-administrativnyh assamblyazhej v gorodakh Sibiri [Conditions and stages of the formation of political-administrative assemblages in Siberian cities]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 74–103. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.4> (In Russ.)
10. Пустовойт Ю.А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN: LASRAA
Pustovoit Yu.A. Kak sozdaetsya rezhim: vlastnye koalitsii v sibirskikh gorodakh [How the regime is created: Power coalitions in Siberian cities]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019. No. 4. P. 104–118.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08> (In Russ.)
11. Ротбард Ш. Белый город, Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе. М.: Ad Marginem, 2015. 400 с.
Rotbard Sh. White city, black city: Architecture and war in Tel Aviv and Jaffa [Russ. ed.: *Belyj gorod, Chernyj gorod. Arhitektura i voyna v Tel'-Avive i Yaffe*. Moscow: Ad Marginem, 2015. 400 p.]
12. Рыбчинский В. Городской конструктор. Идеи и города. М.: Strelka Press, 2015. 232 с.
Rybchinskij V. Gorodskoi konstruktor. *Idei i goroda*. [The city maker: Ideas and cities]. Moscow: Strelka Press, 2015. 232 p. (In Russ.)
13. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
Foucault M. Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews [Russ. ed.: *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i inter'vu*. Transl. from French by B.M. Skuratov, ed. by V.P. Bol'shakov. Moscow: Praksis, 2006. Part 3. 320 p.]
14. Хаугаард М. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей / Пер. с англ. К.В. Фокина // Политическая наука. 2019. № 3. С. 30–61. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.02>.
Haugaard M. Pereosmyslenie chetyrekh izmerenii vlasti: dominirovaniye i rasshireniye vozmozhnostei [Rethinking the four dimensions of power: Domination and empowerment]. Transl. from Eng. by K.V. Fokin. *Politicheskaya nauka*. 2019. No. 3. P. 30–61.
<https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.02> (In Russ.)
15. Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер, 2015. 280 с.

- Ellard C. Habitat: How architecture affects our behavior and well-being [Russ. ed.: *Sreda obitaniya: kak arhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie*. Moscow: Al'pina Publisher, 2015. 280 p.]
16. Hunter F. *Community power structure: A study of decision makers*. Chapel Hill, NC: UNC Press Books, 2017. 297 p.
  17. Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1989. 314 p.
  18. Stone C.N. Reflections on regime politics: From governing coalition to urban political order. *Urban affairs review*. 2015. Vol. 51. No. 1. P. 101–137.